

В.А. Должиков, М.В. Польшкин

**Проблема реконструкции статусной роли
М.А. Бакунина в истории
русской демократической публицистики 1850–1860-х гг.**

В современной отечественной историографии происходит процесс восстановления места и роли М.А.Бакунина в российской политической истории. За последние годы уже заново переосмыслены отдельные аспекты общественной и мировоззренческой биографии Великого бунтаря. Исследователи постепенно преодолевают негативные последствия коммунистического мифотворчества. «Мифы о Бакунине оказались удивительно устойчивыми, — обращал внимание на этот феномен еще в 1989 г. В.Ф. Пустарнаков, — и что скрывать? — до сих пор некоторые из них преобладают, заменяя действительное знание о его идеях и деятельности» [1, с. 8]. Однако для официозной историографии Бакунин был и остается до настоящего времени «персоной нон грата». По отношению к нему поныне используется так называемая фигура умолчания и, чтобы отвлечь внимание от его подлинных идеологических позиций, придуманы особые ярлыки типа «неистовый бунтарь», «апостол анархии» и др. Такое отношение к М.А. Бакунину связано с тем, что он является первым в отечественной и мировой истории критиком идеологии государственных тоталитарных систем. Недаром его оригинальная социально-философская концепция стала серьезной политической альтернативой доктрине «государственного коммунизма» К. Маркса [2].

Проблема реконструкции статусной роли М.А. Бакунина в истории русской политической журналистики 1850–1860-х гг. актуальна до сих пор. Фактически без достаточных на то оснований он исключен из перечня наиболее выдающихся русских публицистов демократической ориентации (имеются в виду В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Н.Г.Чернышевский и др.). Не случайно коллектив исследователей во главе с М.В. Нечкиной, изучая эпоху так называемой первой революционной ситуации в России, упорно вытеснял персоналий М.А. Бакунина из контекста событий [3, с. 222–227]. На это, впрочем, у историков официального направления имелись определенные основания. Еще первые биографы М.А. Бакунина 1920–1930-х гг. (Ю.М.Стеклов, В.П.Полонский и др.) полагали, что в рассматриваемый период в качестве политика общероссийского масштаба он якобы почти никак не проявил себя, так как находился в сибирской ссылке [4, 5]. Однако уже тогда некоторые добросовестные исследователи высказывали

вполне обоснованные сомнения в реалистичности данной версии (Б.Г. Кубалов, Б.П. Козьмин, М.К. Лемке и др.) [6–8]. Данная альтернативная концепция, лишь фрагментарно представленная в отечественной историографии, заслуживает более пристального внимания и дальнейшей научной разработки. В перспективе, на наш взгляд, это будет способствовать последовательной демифологизации политического портрета М.А. Бакунина.

Сложность рассматриваемой проблемы обусловлена персональной спецификой общественного статуса Великого бунтаря. С одной стороны, к моменту ситуационного перелома 1850–1860-х гг. он являлся уже не только зрелым политиком, но и опытным публицистом [9–11]. В данном смысле, т.е. по уровню политической подготовки, М.А. Бакунин опережал тогда многих лидеров и участников формировавшегося в России оппозиционного общественного движения. С другой стороны, находясь в ссылке, он вынужден был действовать скрытно, поэтому свои агитационные материалы так называемого сибирского периода Бакунин публиковал в региональных и центральных печатных изданиях только под псевдонимами либо вообще без авторской подписи [9, с. 161; 10, с. 16, 84–85].

Именно благодаря легенде о мнимом бездействии в России «революционера №1» [4, 12, 13] марксистская историография смогла в свое время скрыть сам факт существования множества работ М.А. Бакунина, написанных с учетом политических и социальных реалий кризисной ситуации в России конца 1850-х – начала 1860-х гг. Причем, судя по имеющимся данным, большая часть этих публицистических сочинений была безосновательно переадресована по авторской принадлежности совсем иным лицам.

В течение многих десятилетий отечественные исследователи пытаются решить вопрос об авторстве как знаменитого «призыва к топору!» («Письмо из провинции» в «Колоколе», 1860 г.), так и не менее известного агитационного воззвания «К народу» («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», 1861 г.) [14, 15]. Мифотворческая историография долго и настойчиво приписывала их Н.Г. Чернышевскому вместе с почетным титулом «вождя революционеров-демократов». Теперь уже большинство специалистов считает абсолютно беспочвенной эту легенду. «Чернышевский не мог быть автором прокламации «барским крестьянам»,

– доказывает Б.В. Личман, – приоритетным он считал не насилие, а «содействие исполнению всеобщего желания...» [16, с. 18]. Идентична и позиция Н.А. Троицкого по этому вопросу. «В советской историографии до последнего времени Чернышевский изображался как самый «последовательный», т.е. фактически крайний революционер, – справедливо замечает историк. – Ему приписывали даже чужие произведения именного такого, последовательно революционного характера, с призывом “к топору” – “Письмо из провинции” в “Колокол” и прокламацию “Барским крестьянам от их доброжелателей поклон”». Причем до конца ведь проблема никак не решается, поскольку истинные авторы этих произведений до сих пор не установлены [17, с. 134]. Однако неправдоподобную прежнюю версию все-таки продолжают воспроизводить в своих публикациях современные исследователи [18, с. 34, 36–37, 92–93].

Вопрос о том, кто был на самом деле этот «русский человек», в довольно жесткой форме потребовавший в 1860 г. от издателей «Колокола» призвать народ «к топору», недаром остается открытым. Ибо столь категорическое, ультимативное требование к тогдашним «властителям дум» – А.И. Герцену и Н.П. Огареву – мог предъявить лишь некто, весьма и весьма близкий к ним. И такой общественный деятель хорошо известен исследователям. Не случайно вопрос о характере взаимоотношений М.А. Бакунина с издателями «Колокола» в конце 1850-х – начале 1860-х гг. крайне редко затрагивается догматически настроенными авторами [19]. Что же касается, например, Чернышевского, то для Герцена в 1859–1861 гг. он был, кстати говоря, в политическом отношении абсолютным чужаком [20, с. 271]. Тем не менее в литературе среди возможных авторов обоих агитационных документов М.А. Бакунин даже не упоминается, хотя многие особенности лексического стиля, а, главное, идейный смысл этих сочинений определенно указывают на него. При желании найдутся и аргументы, свидетельствующие в пользу авторской принадлежности Бакунину «Письма из провинции», а также, по всей видимости, других аналогичных воззваний и посланий радикального свойства.

Так, злополучный «крестьянский топор» упоминается в его «Ответе “Колоколу”» 1860 г., к примеру, не один раз [21]. «Страшна будет русская **революция**, – пишет он своим старым друзьям в Лондон, – а между тем поневоле ее **призываешь**, ибо она одна в состоянии будет пробудить нас из этой губительной летаргии к действительным страстям и к действительным интересам. Она вызовет и создаст, может быть, живых людей, большая же часть нынешних известных людей годна

только под **топор**. Таково мое убеждение» (выделено авторами. – *В.Д., М.П.*) [21, с. 350]. Из отечественных исследователей один только М.П. Драгоманов обращал внимание на новую, «конспиративно-разночинскую» социальную ориентацию, четко наметившуюся в те годы. «На такой основе у Бакунина, – замечает исследователь в 1906 г., – в его сибирский период жизни могли вырастать, рядом с верой в крестьянский топор... вера в возможность разрушить государство – Россию – через конспирацию кружка подобных людей и т.п.» [22, с. 33].

М.А. Бакунин хорошо понимал, что даже самой хлесткой обличительной публицистикой российскую бюрократию исправить, а также, в конечном счете, рационализировать невозможно. «Для вразумления нашего официального мира, – не без оснований утверждает он в начале 1862 г., – нужен другой страх – страх народа» [23, с. 1023]. Смысл агитационной метафоры о крестьянском «топоре», по мнению авторов статьи, сугубо разъяснительный. Причем она была адресована не к народу, как ошибочно полагают многие исследователи. Русские крестьяне в 1860-е гг. ни «Колокол», ни «Современник» читать не могли. Этот призыв обращен к «своим», т.е. к просвещенному слою политической элиты. Так что именно при посредничестве дворянской общественности автор вышеупомянутого открытого письма рассчитывал тогда повлиять на всю многочисленную сановничиную родню. В конце 1850-х – начале 1860-х гг. М.А. Бакунин, что примечательно, надеялся еще на социальное прозрение господствующей элиты. Однако уже в 1862 г. ему пришлось констатировать, что «большинство русского дворянства не понимает этого». И еще Бакунин предупреждал, что позже, «когда блеснет **топор**», элита все равно будет вынуждена осознать необходимость своего «покаяния» и последующего «сближения с народом» [23, с. 1023].

Особую научную значимость имеет вышеупомянутое воззвание. По уточненным данным современных исследователей, речь идет о хрестоматийном документе эпохи «оттепели» – так называемой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». По мнению Е.Л. Рудницкой и Р.Г. Эймонтовой, во многих источниках она фигурирует именно как воззвание «К народу» [18, с. 92]. Но вопрос об авторской принадлежности этого уникального памятника решен к настоящему времени только в отрицательном смысле. Вроде бы, с одной стороны, доказано, что Чернышевский не писал никаких агитационных документов, но, с другой, до сих пор исследователи не нашли положительного решения этой проблемы. Вывод представляется очевидным: подлинный ав-

тор воззвания «К народу» («Барским крестьянам») – не кто иной, как М.А. Бакунин. Для большей убедительности приведем ниже ряд аргументов, дополнительно свидетельствующих в пользу нашей версии.

Во-первых, бесспорно, что сама идея агитационной подготовки народа (т.е. главным образом крестьянства) в близком будущем к революционному восстанию полностью соответствует духу идеологии Великого бунтаря. В этом пункте взгляды Бакунина и в 1840-е, и в 1850–1870-е гг. не менялись. Во-вторых, заслуживает внимания характерная лексика этого документа. Исследователи замалчивают важную черту агитационной публицистики М.А. Бакунина – ее максимальную семантическую приближенность к обыденной, всем понятной разговорной речи. В связи с этим стоит заметить, что как публичный политик он ставил перед собой задачу полного освоения нормативов языка, которым говорит «простой народ» (русский, немецкий, французский, итальянский, польский и т.п.). «Он отличался мастерством говорить речи на простонародном немецком жаргоне, – сообщает один из основателей сибирского областничества Г.Н. Потанин в неопубликованных воспоминаниях о первом своем наставнике, – и умел увлекать немецкую толпу» [24]. Похожие свидетельства можно встретить в мемуарах и других современников, близко знакомых с ним. «...Бакунин не был оратором, но он был великолепным народным трибуном, – вспоминает Г.Н. Вырубов, – умение говорить массам постиг в совершенстве и, что всего замечательнее, говорил им одинаково убедительно на разных языках» [25, с. 54]. Действительно, в лексике воззвания «К народу» нет казуистической скованности, органически присущей литературно-публицистическому стилю бывшего семинариста Н.Г.Чернышевского. В условиях постоянного цензурного гнета редактор «Современника» принужден был выражать свои мысли в туманных формулировках «эзопова языка». М.А. Бакунин же, будучи политиком европейского типа, привык в эмиграции к лексически свободной речи.

При внимательном изучении данного агитационного листка, предназначенного для распространения уже среди крестьян, можно выявить все ключевые идеи радикально-демократической программы «народного дела» [23, 26, 27]. Здесь, например, содержится исключительно важный тезис о мнимости «освободительной» реформы 1861 г. Эта мера, как убеждает автор листка, недобросовестная ложь. Обещаниям властей насчет двухлетнего срока, в течение которого предусмотрено кратковременное сохранение барщины и оброка, верить нельзя. «Как не в два года! – сомне-

вается он на сей счет, – пять лет, либо десять лет проволочут это дело». А потом императорская власть продлит «срочно-обязанное состояние» крестьян, как пронизательное заметил М.А. Бакунин, «еще на семь лет», а с проволочками – то взаправду выйдет двадцать, либо тридцать лет, либо и больше». По такой схеме, кстати говоря, и развертывалось затянувшееся до начала XX в. лживое «освобождение». Вместо настоящей «золотой», по Бакунину, воли русский народ и, правда, получил новую «неволю» [15, с. 85–89]. Понятны и мотивы, по которым коммунистическая историография настойчиво переадресовала документ «русскому Марксу» – Н.Г.Чернышевскому. Историкам официального толка очень уж хотелось присвоить дар пророчества мнимому, кстати говоря, предшественнику «научного коммунизма».

Кроме обличительной критики смысла правительственной «великой реформы», в воззвании «К народу» предлагалась альтернативная программа переустройства крестьянской жизни на демократических началах. Автор объясняет, какой должна быть народная воля: «чтобы народ всему голова был, а всякое начальство миру покровительствовало, и чтобы суд был праведный и ровный всем был суд и бесчинствовать над мужиком никто не смел и чтобы паспортов не было и подушного оклада не было, и чтобы рекрутчины не было». Указаны важнейшие пункты этой программы: 1) бессловность; 2) выборность всех властей снизу доверху, включая царя (вместо всероссийского императора – «народный староста», избираемый «на срок» и состоящий у нации на жаловании); 3) равенство всех граждан перед законом; 4) полная свобода передвижения для крестьянства и т.д. [15, с. 88–90].

Далее в прокламации М.А. Бакунин указывает на способ как «в исправду вольными людьми стать» и подчеркивает, что «можно это дело обработать». Надо «только единодушие иметь между собою мужикам, да сноровку иметь, да силой запастись». Совет крестьянам дается конкретный: «ружьями запасайтесь, кто может, да всяким оружием». Соединять свои силы должны и «барские» (помещичьи), и «государственные», и «удельные» (царские) крестьяне. Им ведь «тоже воли-то нет».

Гарантия победы в предстоящей борьбе – это привлечение на сторону народного дела солдат, которые «из мужиков», и еще «офицеров добрых». Автор поясняет, что «есть и такие офицеры, и немало таких офицеров» [15, с. 91]. Иначе говоря, в сжатой форме здесь излагается план так называемого военно-крестьянского восстания, идущего строем. В листке присутствует еще одна важная деталь, на которую, по понятным причинам, официальные исследователи «прокламации» не обращали особого внимания.

М.А. Бакунин, будучи сам отставным офицером-артиллеристом, дает будущим повстанцам практические советы по военному делу. В его «инструкции» содержатся элементарные правила поведения в партизанском бою. «...Тому надо учиться вам, чтобы плечом к плечу плотно держаться, — советовал он, — да команды слушаться, да пустого страха не бояться, а мужество иметь во всяком деле, да рассудок спокойный, значит, хладнокровие» [15, с. 91].

Грамотным крестьянам Бакунин подсказывал, что «письмецо», составленное «доброжелателями», необходимо передавать «друг дружке» тайно. Подчеркивается, что кроме «крестьян да солдат, никому и знать о нем не следует» [15, с. 92]. Со всей определенностью здесь даются рекомендации по применению тайных, конспиративных методов агитации среди определенных групп населения.

Идеологическое содержание рассмотренных выше агитационных документов позволяет сделать вывод о «последовательно-революционной», радикально-демократической ориентации М.А. Бакунина

на как общественного деятеля и публициста, которому нет полного аналога в русской политической истории. Предсказанный отечественным пророком социальной революции будущий отдаленный финал трагедии, связанной с крестьянским «топором» и всенародным бунтом, ныне хорошо известен. Поэтому кажется странным отсутствие интереса у наших исследователей к давно опубликованным источникам, в которых содержатся практически все ключевые термины, необходимые для идентификации автора («революция», «призыв» и «топор»).

Итак, исследовательский анализ содержания и специфической лексики наиболее известных памятников русской агитационной публицистики начала 1860-х гг. позволяет идентифицировать их авторскую принадлежность с личностью М.А. Бакунина. Поэтому можно предполагать, что в процессе дальнейшей разработки данной проблемы возможно выявление целого массива не известных ранее агитационно-публицистических сочинений выдающегося политического деятеля России XIX в.

Литература

1. Пустарнаков В.Ф. М.А. Бакунин // Философия. Социология. Политика. М., 1989.
2. Должиков В.А. Русский социализм: альтернативный вариант М.А.Бакунина // Вопросы политологии. Барнаул, 1999. Вып. 1.
3. Тематическая роспись содержания сборников «Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.» Вып. I–IX // Революционная ситуация в России в середине XIX века: Деятели и историки. М., 1986.
4. Стеклов Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. М., 1926. Т. I.
5. Полонский В.П. Крепостные и сибирские годы Михаила Бакунина // Красная новь. 1921. №3.
6. Кубалов Б.Г. Страницы жизни Бакунина и его семьи в Сибири // Сборник трудов профессоров и преподавателей Госуд. Иркут. ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5.
7. Козьмин Б.П. Казанский заговор 1863 года. М., 1929.
8. Лемке М. Крестьянские волнения 1855 года // Красная летопись. 1923. №7.
9. Дулов А.В. Неизвестные статьи М.А. Бакунина в газете «Амур» // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII–начало XX в.). Новосибирск, 1975.
10. Должиков В.А. Бакунин и Сибирь (1857–1861 гг.). Новосибирск, 1993.
11. Должиков В.А. Неизвестные публицистические статьи М.А.Бакунина об Алтае 50–60-х гг. XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 1998.
12. Пирумова Н.М. Михаил Бакунин. Жизнь и деятельность. М., 1966.
13. Графский В.Г. Бакунин // Из истории политической и правовой мысли. М., 1985.
14. (Бакунин М.А.) Письмо из провинции // Колокол. 1860. Вып. III. №64. 1 марта.
15. (Бакунин М.А.) К народу («Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», 1861 г.) // Революционный радикализм в России. М., 1997.
16. Личман Б.В. История и интерпретация фактов // История России: вторая половина XIX–XX вв. Екатеринбург, 1995.
17. Троицкий Н.А. Лекции по русской истории XIX в. Саратов, 1994.
18. Революционный радикализм в России. М., 1997.
19. Китаев В.А. Герцен и Бакунин накануне восстания 1863 г. в Польше // Ученые записки Горьковского ун-та. Серия историческая. Горький, 1967. Вып. 85.
20. Кошовенко А.Е. К вопросу о лондонской встрече Н.Г. Чернышевского с А.И. Герценом в 1859 г. и формуле «Кавелин в квадрате» // Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1960.
21. Бакунин М.А. Ответ «Колоколу» (1 декабря 1860 г.) // М.А. Бакунин. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV.
22. Драгоманов М.П. Михаил Александрович Бакунин: Критико-биографический очерк. Казань, 1906.
23. Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. Вып.V. №122–123. 15 февраля.
24. ОР НБ ТГУ. Ф. Потанина Г.Н. Оп. 1. Д. 125-б. Л. 2об. Потанин Г.Н. Записка о Бакунине.
25. Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров) // Вестник Европы. 1913. №2.
26. Бакунин М.А. Народное дело: Романов, Пугачев или Пестель? (Лондон, 1862) // Бакунин М.А. Избр. соч. Т. III. Пг.; М., 1920.
27. Бакунин М.А. Речь на банкете в Стокгольме 28 мая 1863 г. // Бакунин М.А. Письма к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. СПб., 1906.